Раяна Сол

ПЕРЕКРЁСТОК СЕМИ ДОРОГ

свита короля

Раяна Сол

Перекрёсток семи дорог. Свита короля

https://litres.ru/69198364
SelfPub; 2026

Аннотация

Все проблемы начались, когда корол решил жениться. Собрал обоз поехал свататься. Да только не всем по нраву его решение. То лаги, то русалка, то последователи страшного культа. И все норовят упокоить короля. И может у них бы вышло, но вот со свитой к короля полный порядок. наемница Дана, эльф Этаниэль, Мечник и маг Алисия помогают королю в этом нелегком деле - сватовство. Король едет в горную страну, доедет ли? Кому выгодна смерть короля? Какое отношение имеют к этому старые счеты и новые долги? Читайте и узнаете.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 22
Гла 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Раяна Сол
Перекрёсток семи дорог. Свита короля

Глава 1

Пролог

Корчма, как и полагается всем приличным публичным заведениям, стояла на перекрестке. Эта корчма стояла на перекрестке семи дорог. Что было совсем уж редкостью. Говорят, что дорогами заведуют боги. В таком случае, судя по всему, здесь отметился весь наш пантеон. С севера на юг, к морю, бежал широкий торговый тракт, шли обозы с продовольствием и товаром. С запада на восток был проложен военный путь. Король укреплял рубежи. А уже от этого креста разбегались, как лучики в стороны, дороги к дальним городам и заставам. Мартовский день только еще разгорался. Я легко спрыгнула с обоза, и возница хлестнул полусонных волов. Двинулся дальше. А мне дальше не надо. Вещей у меня было немного. Один мешок, и то по большей части оружие да травки. Ни одежды в запас, ни еды. А зачем? Если что, потом всё купим. Дошла до корчмы. Пусть рано, но ничего, меня здесь ждут. Давно. Постучала.

А он изменился за то время, что мы не виделись. И не в лучшую сторону. Не то чтобы располнел, скорее просто появился легкий налет зажиточности и степенности. Уже не походил на тощего поджарого пса. Скорее на пса домашнего. Суровые темные брови сходились на переносице, подбородок был чисто выбрит, даже усов не оставил, мерзавец. А они мне нравились. Глаза вот только остались прежними. Зелеными, колючими, даже злыми, смотрели настороженно исподлобья, словно спрашивая каждого: - Ты кто? Ты – враг? Глаза, да, остались прежними. По ним и узнала.

Наёмник всегда собран, подтянут, всегда наготове, как стрела, наложенная на тетиву. Потому что если ты не будешь таким, ты – труп. Наёмник всегда быстр, враг может прийти откуда угодно, даже упасть сверху, таков закон.

Иное дело корчмарь. Пусть даже его заведение стоит на перекрестке семи основных трактов. Оживленных, где всякий люд шляется. Даже и недружелюбный. Корчмарю не надо спешить, его уважают не за спешку, а за умение угодить гостям, но угодить с достоинством, без суеты. Корчмарь степенен. За ним стоит его дом, его род, сыновья вот, если есть, семья, иные родичи и знакомые. Имя доброе в конце то концов.

У наёмников имён нет, только прозвища. Имя — это отсылка к роду, родичам. А наемник – одиночка. Он думает только о себе, спасет только себя, за редким исключением. Если будешь думать в драке о других, ты - труп. Да, всё так.

Стервятники, не иначе. Потому то и идут в наемники те, кому деваться некуда: пришлые, изгои, от кого свой род отказался, а чужой не принял, или вот сироты, вроде меня.

- Ты изменился, - сказала я вместо «здравствуй», никогда то не любила лишних слов, - интересно какое имя взял? Корчмарю без имени нельзя, уважать не будут. Итак, кто же ты, уважаемый…

- Иштаром кличут. – Нехотя сказал он, все еще не в силах поверить, я это или не я.

Я, я. Пусть не надеется на призрак.

— Вот как? - приподняла я брови, и слегка отодвинув его с порога, шагнула внутрь. В такую рань народу в зале еще не было, а потому я смело уселась на ближайший стул, и вытянула ноги. А что, сапоги у меня чистые, снега пока еще много, могу и повыпендриваться.

С наслаждением откинув капюшон, распустила волосы. Черный саван укрыл меня почти до пояса. Кто бы знал, как они мешаются в бою, если заплести не успела, страх. Пару раз чуть башки не лишилась, по своей-то бабьей глупости: резать их видели те жалко.

- Иштар, говоришь, - задумчиво протянула, берясь за расческу - красивое имя. И оправданное.

- Что ты имеешь ввиду? – он скрестил руки на груди.

Странно. Что-то особой радости от встречи не вижу. Где объятия, где поцелуи, хотя бы в щёку. Какой-то он не такой… Ладно. Разберемся.

- Ну как же, богиня воин и битв, иногда даже постельных, ну ты помнишь...

Он промолчал, слегка поморщился.

- Ну зачем ты?

- Что?

- Любишь все опошлить…

-Я? -удивление вышло слега наигранным, все-таки я волновалась, хоть и виду не показывала, - помнится ты раньше на мой характер не жаловался, можно даже сказать ЛЮБИЛ, - с нажимом выделила последнее слово.

- Раньше… Ты знаешь, - он подошел ближе, взял меня за руку, задумчиво покрутил маленькую ладошку с короткими ногтями, погладил пальцы, коснулся волос, словно тоже заново узнавая, погладил тонкие пряди, - все изменилось… Вздохнул.

- Так, - я резко встала, никогда-то тактичностью не страдала. Сунула руку в карман, достала кольцо, - замуж то позовешь или так и будем стоять?

Кольцо было маленьким, хоть и золотым, но совершенно простецким, такое любой деревенский парень своей девке купит, если всё не пропьёт. Но тогда у нас и другого-то не было. Строго говоря, у нас вообще ничего не было. Жизнь, и то, как сказать, удержится ли до рассвета. В такие моменты обещания раздаются легко, потому что, в случае чего, с мертвецов какой спрос? Мертвецы байки не травят и в любви не клянутся.

А этот вот клялся. И не то плохо, что клялся, а то плохо, что я поверила. И после. И когда уезжала, несмотря на его протест, верила, что дождется, поймет, простит. Ведь я не могла иначе.

Теперь вот стоит, молчит. И в глазах его удивление. Удивление, радость может быть, от встречи, но... Но и только. Дас, неловкий момент. Слава всем Богам, его скоро прервали.

- Тар, кто там? – с верхов спустилась сонная женщина. Капризный женский голосок показался мне противным, как и его обладательница. В общем-то ничего, аккуратная, пухлая, с хорошим передом и приличным задом. Волосы светлые заплетены в косу, глаза голубые. Не страшная, но противная. Иначе отчего захотелось убить её прям тут, на месте? Без повода и цели.

Я с усилием отвела взгляд от нового действующего лица. Изобразила улыбку.

- Так вы говорите, местов нет, уважаемый, - я специально коверкала слова, изображая махровую деревенщину. Ну тогда конечне, мы с пониманием-с, в лесу перетопчемся, али еще где. Прощевайте. стал быть. Кольцо незаметно опустила в карман. И, развернувшись, вышла за дверь, пошла по дороге.

Одной из семи. Какой? А какая теперь-то разница. Сердце билось, как пойманная птичка. В детстве ловили с братом щеглов в силки. Так же вот трепыхались, бедные. На глаза навернулись злые слезы. Хотелось обернуться, вытащить

клинок и прям там, до последней капли крови, бить, рубить, колоть, до исступления его и всех, кто подвернется. До смерти. Моей, скорее всего, ведь он, куда лучший мечник. Ну и пусть, плевать.

Я ждала окрика, что он позовет по имени, а то и бросится в след, утешать станет, мол, ошиблась, а это так, досадная случайность. С кем не бывает. Ни с кем не бывает. Со мной только. Шесть месяцев прошло, а случайность судя по пузу уже пять как была беременна. Как говорится, недолго музыка играла.

Он действительно открыл дверь, стоял на пороге. Ветер трепал отросшие волосы. Но он молчал, и я не оглянулась. Зашагала быстрее.

Ну и ладно. Пусть так. Зато честно. Больно, но честно.

Он и не говорил, что будет ждать. Это я сама придумала.

Придумщица. Экие мы женщины, фантазёрки. Кулаком вытерла щеки. Начинался снегопад. Сапоги просили каши. Непокрытой голове было холодно. Дорога уводила в лес.

Глава 2

А все начиналось вполне безобидно. Лирично, даже. Наш король Наум надумал жениться.

- Жениться вам надо, Ваше Величество, - со вздохом промолвил Ярослав, откладывая в сторону очередную бумажку. Седые брови почётного боярина сейчас были сурово надвинуты, - седьмая челобитная за неделю! Седьмая! И все утверждают, что в тягости. И что от вас. Исключительно.

- Исключительно, - подтвердил Наум, завершая опасный маневр, таракан проскочил между пером и книгой и наконец забежал в кубок, который быстро превратился в темницу.

- Что?!

- Говорю, что в тяжести, исключительно от меня. Другие мужики к ним в это время не хаживали, я проверял.

- Да ведь не шутки же! – терпения у старого советника никогда не водилось, - ведь их отцы, дядюшки и братья так досаждают, что хоть в пору самому жениться. На всех.

- Ну вот и женись…

Наум перевернул кубок и счастливый таракан, виляя задницей, уполз куда-то под стол. Совет прошёл как обычно. Казна пуста, копи дают втрое меньше металла, чем надо, потому как оборудование старое. О том годе случился неурожай зерна, и сегодня решали, садить ли больше или разрешить крестьянам взять оттудова на еду. Яхоны снова высту-

пали с прошением о присоединении Рильских островов, но только чорта им лысого, а не острова. Наум так и сказал, ну может чуть дипломатичнее.

- Так мне то незачем. Я то своей женитьбой страну не спасу. Да и женат вроде ишшо.

- Можно подумать, я спасу.

Из тех боярских дочек, чьи челобитные сейчас лежали на столе, только двое имели хоть какое-то приданное, остальные кроме как древностью рода, да большими сис…., ничем похвастаться не могли.

- Так ведь и я о том. Боярин убедился, что в царских палатах они одни, и подсел к Науму за стол. Ужин давно уже кончился, оставив после себя гору объедков. Бояре любили покушать, особля если ужин был за королевский счет, а не за их собственный. Оттого и старались не просто посидеть, но засидеться до седьмой чашки чая, который здесь подавали с крендельками и маслицем и икоркой красной, да черной, ватрушками и прочим печевом. Печево у королевской кухарки выходило отменным настолько, что боярские животы к концу сего мероприятия дюже нависали над поясом. Боярам это не мешало, а казне, и без того тощей – так даже очень. Ярослав, пожалуй, единственный, который знал меру во всем, в том числе в питие и приеме пищи. Тем более, что он, как всегда, остался, когда все уже разошлись.

- Так и я о том, - повторил он, аккуратненько пристраивая руку на рукаве короля, — это ж смотря какую невесту

взять. Смотря какую. Чем сеять направо да налево, ваше Величество, не лучше ли сеять куда надобно, то бишь жениться и обзавестись законным наследником. А то давеча вдова боярина Морозова так на меня пузом наехала, думал из палатей вылечу.

- Морозова… Морозова… - Наум нахмурился, вспоминая, от чего рыжие его брови совсем уж неприлично сошлись на переносице, а симпатичное, конопатое лицо государя стало совсем уж мальчишеским, — это такая стройная, черноглазая, востроносая?

- Нет… Высокая, полная, то есть очень полная, и рябая.

- Так то ж не я! – с облегчением рассмеялся Наум, припоминая сие особу.

- В том то и дело! Они лезут и лезут, лезут и лезут, и все на трон королевский и к вам в опочивальню. Но что б супругой законною, а не абы как.

Наум покаянно вздохнул и почесал кудрявую бороду. Вот всё он умел: и смотры военные и яхонцам кукиш, и англицкому послу - дулю, когда тот решил в Рось свои отходы ввозить. Точнее не посла отходы, а всей страны, кои после их урановых рудников остаются. Вот всё мог, а бабе отказать – нет. Баба оне же не посол, губки намалинит, очи томные, грудью вздыхает, грудь под платьем колышется, мягкая, теплая, а баба еще и ручку на колено так раз, под столом, и ножкой так раз, по ножке королевской, ну и вот. Вот и выходит, что выходит. Только бабы оне сущи коварные, сначала страсть,

любовия, а потом орут – женись. А он бы и рад, так не на всех же. Не басурманин какой.

- Ну и слушай. Королю то нашему Науму, стыдно признаться, тридцатник стукнул, а его ни одна баба ещё не охомутала. В смысле, не соизволила отвести под венец. Все время забываю, что здесь принято выражаться культурно. Выражаться могу, культурно не очень. Так вот. Обычный то мужик может хоть всю жизнь гулять, беречь себя от мозгоклевания, обычный может и любовницу держать, наезжать время от времени. Но то обычный. А то король. Король - он фигура значимая, не какой-то там мастеровой или купчишка. Король должен думать о престоле и о наследниках. О них то как раз наш король думал и даже очень хорошо. Настрогал налево и направо десятка два. И теперь их мамаши активно продвигают себя и свое потомство. Официального наследника нет, стал быть любой подойдет, ежели королевской крови. Советники взялись за головы, и за бороды тоже, друг другу. Ага. Ну и пришлось королю срочно искать себе невесту на стороне. Искал, искал, а они не находятся. Соседские давно пристроены, их ещё лет десять назад сосватали, когда наш все кобенился.

А тут, слышь ты, приходит письмо из дальнего княжества, Небольшое, но гордое государство. За горной грядой Сапские холмы. Холмы, как же. Зубы скорее, пики даже, что не у всякой армии есть, а меж ними тропки узенькие, только козлам и скакать. Даже не знаю, как тамошние ходют. Ну жи-

вут и ладно. И, значит, приходит письмо от их Совета, что мол, невеста у них есть. Светлейшая княжна Тамара вошла в возраст замужества и готова рассмотреть предложение нашего Наума. Портретик прислали, само собой. Ничего так, чернявая, носатая, с кинжалом за поясом. Но и в целом не уродина. А, что с кинжалом, так-то даже неплохо. Иные мужья такие, что без кинжала хоть в кроватю не ложись. Ага. Не понаслышке знаю. Мои то маменька с папенькой так и грызлись собаками. Пока друг дружку и не прирезали. А меня вот в приют забрали. Хорошо. В смысле, в приюте тоже не сладко, это так. Но мои то родненькие собирались меня вообще в Красный квартал сплавить. Знаешь? Ага. Вот. Дерьмо – место. А в приюте хоть и бедно, но чисто, еда опять же кажный день, а не когда моей маменьке в голову торкнет. Ну и ничего, выросла. Других не хуже. Представиться забыла, меня Данкой звать. А то ж не принято, чтоб совсем без имени. А настоящее ли нет, про то не думай, не твоего эльфячего ума дело. Что король?

- Ах, король…. Согласился. Да и то сказать, глупо отказываться. Там, говорят, за той девкой, Тамарой, такое приданное дали, что ахнуть. Самоцветов одних на четырех конях не свезти, золота, серебра, меховой рухляди и ну и так по мелочи. Лакомый кусь, только с подвохом. У них горян этих принято, что между собой, между княжествами сватать, а тут дргая страна. Вот ведь смех, - я старательно пьяненько хихикнула, - невесту обычно сватают, а тут жениха. Да не

абы какого. Короля!

Гонцы семь дней по дорогам трубили. Весть благую о скорой свадьбе. Ну этта они погорячились, король только отряд собрал, свиту себе, чтоб не одному ехать, витязи там, но их одних мало. Дороги ныне неспокойные, народец разный шляется, а тут обоз королевский. Тоже лакомый кусь? Вооот.

И поручил он набрать помимо основной стражи отрядец наемников, из тех что поумнее. Я и набралась. А чего, перерыв у меня вышел. После ранения. Руку мне прострелили, во, да так, что пришлось к магикам идти. А те, чего, залепить залепили, а что подвижность ушла, так это не ихно дело. Я и разрабатывала, в кабаке сидела, а на заднем дворе мишень поставила, постреливала, а тут гонец. Посмотрел, как я с закрытыми глазами, с колена и с разворота леплю в десяточку, и говорит:

- Не хотите ли, уважаемая, короля до невесты сопроводить? Сто монет задатку, а сто после работы. Вкусно, скажи? Мне то деньги до зарезу нужны. Сестрица у меня младая замуж собралась, а приданого с гулькин нос. У приютских какое приданное? Честь девичья, и то, если девка, не только с косой, но и с мозгами. У моей то мозги есть, на швею выучилась, а деньги всё одно нужны. Я и согласилась. Здесь, в «Трех пескарях» сбор объявили, чтоб всё желающие. А завтра навроде турнир будет или смотрины. Хи-хи, смотрины, чай мы не невесты, да и на женихов не тянем, но а как сказать. Отбор? Точно. Ну и посмотрят, кого оставить, а кого

взашей. А магики что учудили. Наклонись поближе, на ухо шепну. По звездам смотрели ,смотрели, в трубы эти, как их, позорные. Подзорные? Ну да точно. А я как сказала? И вот звезды им там нашептали, будто невеста эта, самого дьявола дочь. А от такой, говорят, проку не будет, и не детки родятся, а чумуродины. И что вообще королю к ней ехать не след, а то, как бы хуже не было. Как будто у нас тут очередь из невест. Королевство наше тоже не ахти богатое, злата-серебра нет, а одним крестьянским трудом сыто жить не будешь. Фабрики? Есть какие-то. Как не быть, а всё ж такими невестами раскидываться не след, тем более с приданным. Так что магиков этих следовало сразу же в петлю и на веточку, чтоб не портили денежное дело. Как король их сразу не повесил, не знаю? Я б не сдержалась. Ну ладно, значится, прощевай, кто ты там есть, эльф, не эльф, ночь уже, а мне рано встаааааавать.

Я зевнула, прикрыла глаза и сдвинула капюшон почти на нос, делая вид, что уже сплю. Выровняла дыхание, для надежности подождала пять минут, только потом чуть-чуть приоткрыла глаза, так чтобы ресницы не трепетали. Так и есть! Сидит, гад, магичит. Птичку слепил и чегой-то ей там нашептывает. Шпиён, как есть. А то подсел, понимаете ли, и давай расспрашивать. То да сё. Что за турнир, по какому, так сказать поводу. Ничего особенного я ему не сказала. Только то, что, итак все знали или догадывались. А вот на его реакцию мне было интересно посмотреть. На самом деле, я рабо-

тала на Наума уже давно. Из статуса наёмницы не выходила, но и за темные делишки не бралась. А вот информацию собирала. И это мне поручено посмотреть на новых участников турнира. Нельзя же в самом деле доверять жизнь короля людям непроверенным. Одно дело мастерство, а другое, что за человек. Не засланный ли, а то матушки наследников – они такие. Изведут короля, а потом свое дитя на трон, а сами при нем – регентшей, до совершеннолетия. Да и родственников у всех, как поросят по осени. Вот Наум и опасается. Естественно, я тут была инкогнито, так сказать. Разыгрывала из себя саму себя, только более простую, если не сказать туповатую. Обожаю прикидываться дурочкой. Столько всего нового узнаешь. И о себе тоже. Вот эльфийский типчик, убедившись, что я сплю, и даже похрапываю, бесцеремонно сдвинул мои ноги в сторону и потянул к себе мою дорожную сумку. Я сделала вид, что пьяна в зюзю, и все внешнее меня сейчас мало беспокоит. Поверил, дурачок. Есть у меня такая особенность – абсолютная нечувствительность к алкоголю. Мамаша с папашей, бывало, от одной рюмки пьянели, а я вот, хоть ведро, а бестолку. Прадедово наследство. Он, говорят, из магиков был. Не знаю. Людей в поросят я не превращала, но кое-что тоже умела. Как с алкоголем. Хороший навык, если подумать. Полезный. Эльфийсий тип, уже не скрываясь, полез в мою суму, попытался вытянуть ремешок. Лезь, лезь, милый. Хрен тебе с редкой, а не моя сумка. В свое время я за эту сумку кучу монет отвалила, золотом.

Зато на ней такое заклятие «Антивор», что не то, что эльф, сам главный королевский маг, ее не вскроет. Не вскроет, не порежет, не сожжет. Уникальная вещь. Открывается только по моему слову. Ну или тому, кто у меня это слово выпросит. А таких близких людей у меня сейчас не водилось.

- Данка, лезь сюда. Яблоко будешь?

- А то!

Я взбираюсь по одним только нам известным щербинкам и усаживаюсь рядом с Валиком. Приютская стена под вечер – это нечто! Теплая, как печка в родном доме, гладкая, блестящая, отполированная нашими попами за столько то лет. Я любила это место. По одну сторону от укромного места был приютский сад, яблоневый. По весне он благоухал так, так что все пчёлы округи слетались на этот запах. А по осени в нем вызревали огромные желтые яблоки с такой тонкой кожей, что казалось само Солнце перекатывалось там, внутри маленького сочного плода. Яблок нам не доставалось никогда, ну или почти никогда. Сторож хорошо знал своё дело и любого покусителя на яблочки так отхаживал кнутом, что кожа слезала. С другой стороны от кирпичной кладки можно было увидеть улицу: магазины и кофейни, кондитерские, откуда так пахло сдобой, что мы захлебывались слюной и завистью. Богато одетые горожане, не спеша устраивались на террасе. Дамы в полосатых, по моде, платьицах пили кофе или чай, маленькими кусочками откусывали лёгкие воздушные десерты или булочки, смеялись и разговаривали.

Мимо спешили разносчики газет, подмастерья, помощники продавцов.; крякали самоходные телеги, иногда раздавался визг колес. Это какой-нибудь лихач из Белого квартала спешил показать свою удаль. И пусть нам было голодно, а всё же и хорошо. Это место я любила… И красную кирпичную стену, теплую по летнему времени, и ветки яблонь, что, спускаясь, скрывали нас от прочих, и эту вот жизнь, которая была там, далекая, но красивая и о которой так сладко мечтать перед сном.

Пожалуй, во всей моей приютской жизни только это и стоило любить: наши мечты и моменты уединения без воспитателей и других детей, таких же, как мы, потерянных, злых, никому не нужных. А вот еще… Валик. Мой друг. Он, когда пришёл, сразу и заявил, что, мол, некто иной, как сын боярина Валицына. Незаконнорождённый. Поверили ему? Ага, как же. Да у нас тут каждый второй, потерянный в детстве барчук, на худой конец, сын купца. Приютские всегда себе выдумывают, что семью знатную, что историю душещипательную. А кому охота признаваться, что, мол, родился в канаве, и там же, скорее всего, сдохну. Ну и вот. В первый же день Вальку отделали так, что он пролежал в лазарете месяц, вышел, и то же самое. Врать то все врали, однако ж не завирались. С пониманием. А Валька сразу им всем в лоб – вы – чернь, я – князь. Кому понравится? Мне понравилось. Что ни говори, а держался он по-иному. И смотрел прямо, и говорил грамотно. Ребятня из бедноты, как я, у них взгляд зверё-

ныша, затравленный, кожа темная, зубы гнилые, в основном то. А этот ишь, чистенький. Поэтому в первый же день я ему тоже врезала, но во второй раз, всех кто полез, так отходила палкой, что уже мне штраф впаяли. На целый месяц на воде и хлебе. А Валик мне яблоки таскал. Вот эти самые, желтенькие. И главное, не крал. Сторож сам дал. Вот ведь язык катый. Так мы и сдружились. Валька старше был года на два. Вышел раньше. Обещал вернуться, устроиться на работу и меня забрать. Опекунство оформить. Не вернулся. Я искала, конечно. Но толку… Теперь это дело прошлое. Мало ли как вышло, может шанс выпал выбиться в люди. Может уехал. А может и с отцом срослось. Может Валька не врал. И отец его – действительно не последний человек в государстве.

А я выросла и после приюта в Стрелки пошла. Отряд такой. Специальный. Время тогда неспокойное было. Война – не война, но на границе всяко бывало: орки лезли, эльфы зуб точили, ушами стригли. Это когда тятенька нашего Наума помер, а сам он в отъезде был. То да се, народец зашевелился. Трон без короля – лёгкая добыча. Вот и набирали молодь, из тех, кто поспособнее в мечники там, или в лучники. У меня прабабка эльфийкой была, веришь ли нет, была. От нее и дар достался, нет не магический. Просто глаз острый и рука точная, а технику я уж потом подтянула. Всяко в начале было. Смеялись, и под юбку лезть пробовали. То есть в сарае завалить. Юбки я не носила. А по рогам давала. Отстали. А как я первой в отряде стала, так и уважать начали. Даже

эльфкой звали. Смешно. Какая из меня эльфка? Не то, что лицом не вышла, скорее уж манер не хватает, этой, как ее, утонченности. Мать моя, как узнала, что у нас в родне эльфы отметились, так вообразила себе, фиг знает что. Девке говорит своей эльфийское имя дам. Что б жилось легче. Данавиэль. Ага. Прям так легко жилось, хоть век не помирай. Это уже потом батя ей подзатыльник отвесил, Данкой меня стал кликать. Так и живу, обычным человеком.

Иногда только мелькнёт что-то такое, эдакое. И не запах, и не звук, вроде как знание какое или отголосок чужой эмоции. Вот и всё. Вот сейчас сижу, смотрю из-под ресниц на этого чистокровного и понимаю, до чего ж сумка ему моя важна. Ведь не вор. Хотя и среди остроухих всякие водятся. Тем паче не убийца. Тот бы и говорить не стал. А кто? Посланника отправил. Шпиён. Но какой? На кого. Откуда, куда, зачем? Как говорил мой наставник. Нет у нас с эльфами ни войны, ни дружбы. Слишком разные, слишком они иные. Территории наши им оказались на фиг не нужны. Непригодны для проживания. Им особые места нужны, а какие, про то эльф только и знает. Родниться с нами они тем паче не будут, людской век короток. Вот и спрашивается, чего рыщет? Там на турнир какой-то ушастый записался. Уж не этот ли? Поглядим, что за фрукт.

Глава 3

- Ну а точно нам нужен этот хренов турнир? Глаза Наума были большими и печальными как у коровы на апрельском лугу. Ведь это же куча расходов. Организация, гости, призы, застолье. А казна то, сам знаешь, пуста казна то. Может метнулся бы один, ну с парой-тройкой людей, да и ладно. Там неизвестно еще, как оно пойдет. Может я ей не глянусь, или она мне.

- Глянусь, не глянусь… Нагляделись уже. Вон боярыни ропщут, волосья друг дружке рвут, трон твой деля. Ярослав на печальные глаза не повелся и весьма сердито встряхнул зипуном. В сторону полетели пыль, крошки и даже, кажется, моль. Но это не точно. Может и таракан. Но явно что-то живое. Зипун был старый и лежал в сундуке целую прорву лет. Боярин повертел рухлядь в руках и со вздохом кинул на пол. К тому что отбросить.

- Свадебный обоз - дело не быстрое и не легкое. Надо ж показать себя с лучшей стороны. Ведь же не мужик к знакомой девке в другое село, сам король сватается. Свита должна быть, слуги, воины, дары и подарки, чтоб все как у людей. И не смотри на меня так. Иди вон лучше зеленый сундук перебери. Что там?

- А пес его знает. Наум задумчиво почесал нос и чихнул, всё-таки не любил он эти дела. Суматошно-свадебные.

Мандражировал прям.

- Не выражайтесь, Ваше Величество. Неприлично.

- Прилично-неприлично. Ну а я откуда знаю, его двести лет не открывали. И вообще, почему мы, в смысле достойный муж и глава государства, занимаемся какими-то бабскими вопросами? Сундуки, тряпки. У Настасьи спроси, ключницы.

- Знаю я твою Настасью. Ей двести лет в обед. Её, что ни спроси, реветь начинает. Думает, что гонят. Воет, как по покойнику. Дура баба. А насчет турнира ты не прав. Да, обычай не нашенский, однако тут понимание должно быть. Политическое.

- Какое?!

- Политическое. Ты ж не гулять едешь, ты жену привезёшь. То бишь королеву. А кто ее тут знает? Никто не знает. И горцев у нас не особо жалуют. За нрав горячий, за гордость до глупости. А тут гуляние во славу новой королевы. И призы с ее именем. А главный приз – великая честь сопроводить своего короля до его будущей супруги, и привезти уже обоих домой. Понимаешь теперь? Сразу коленкор другой, и отношение тож. А на турнире энтом еще вели пряников налепить с ее именем и бабам с дитями раздай.

- Яяяя?

Наум тут же представил себя в колпаке и с толстым пузом, что лепит и месит пряничное тесто и громко фыркнул от смеха.

- Прикажи велеть! Как дитя малое, честное слово.

Ярослав любил Наума, как собственного сына, которого у него никогда не было и сейчас журил его по-доброму, по-отчески. Наум это понимал, как и то, что после родителей именно старый боярин Ярослав первым принес присягу, тем самым поддержав законного наследника и его право на трон. И прощал боярину многое, в том числе и этот отческий тон.

- А мужикам пива налить. В кружечки стеклянные.

- Вооот. Вот это уже стратегически верно. Можете же, Ваше Величество, только из вас блох выгонять надо.

- Так на той же неделе гоняли. В тон ответил Наум, и тут же смачно почесался. И в бороде будто завозилось что. Тьфу ты, пропасть!

- Только зачем же в стеклянных. Стеклянные кружечки — это нерачительно зело, выпьют и разобьют, во хмелю то. Пусть со своей тарой приходят, а мы им пару бочек и хватит. Наум махнул рукой. Когда грозит большая беда, война там али женитьба, на мелочи смотришь куда-как проще.

Ветер пел свою печальную песню. Здесь в башне песня ветра звучала особенно тоскливо. Узкое окно с тонким стеклом дрожало и посвистывало крохотной дырой в раме, отчего слышался в этом звуке толи стон раненого, толи плач брошенного ребенка, а может быть все приведения замка собрались здесь, чтобы оплакать свою или ее судьбу. Ветер выл и плакал в ущельях уже не одну сотню лет. По ком? А не всё ли равно. Может быть по великому князю Вардо, деду

Тамары, который так внезапно и глупо погиб, свалившись в ущелье. Так ей сказали, но она знала, что врут. Чтобы дед, да свалился? Когда это было? Они вместе, вместе облазили все горы в округе, взбирались по самым крутым утёсам. Иногда смеху для, иногда, чтобы достать какого-нибудь глупого козленка, который переоценил свои силы или выносливость. Дед сам учил Тамару: и как оценивать высоту, и куда и как ставить ногу, и как подтягиваться, цепляться за скалу не только руками-ногами, но и всем телом. Дед не мог просто свалиться, определенно его столкнули. Она даже догадывалась кто, но разве поверят ребёнку то? Тем более девочке. Основное предназначение женщины быть тихой и послушной, уметь вести хозяйство и рожать мужу сыновей. Всё. Ее и учили только этому. Как она упрашивала отца позволить присутствовать на занятиях вместе с братьями. Он не разрешал. Но вот просьбе жены уступил. Очень уж любил свою красавицу Верико. Тамара походила на свою мать, но только не характером. Та была действительно украшением семьи, и с тихим достоинством руководила большим домом, и челядинцами, а иногда и гордым супругом, но так, чтобы он не замечал. А вот Тамаре не хватало ни терпения, ни усидчивости. - В бабку пошла, - хмыкал дед в полуседые усы. И глаза его становились задумчивыми и грустными. Свою жену он потерял еще лет двадцать назад. Ее убил оборотень. И никто не знал откуда он взялся в горах, но вот взялся и случайно ему попалась именно княжна, вышедшая к родни-

ку за водой. Он целый год гонялся за этим чудовищем, и нашел, и привез домой. И долго держал в клети под замком, не спеша ни убить, ни отпустить, и часто спускался вниз, и проводил там по два-три часа, а что делал – непонятно. А потом оборотень исчез, просто однажды слуга принес ему еду, но обнаружил клетку пустой, а замок не взломанным, но открытым снаружи. Люди опасались новых нападений, но в округе было тихо, да и всем стало не до того. Подросла юная Лейла и ей нужно было готовить приданное и искать жениха. Тамара родилась зимой, когда ветры особенно злы, а пики гор укрыты большими белыми шапками, какие носят местные чабаны. Зимой хорошо сидеть у горячего очага, положив голову на колени матери и слушать бурю, что норовит разрушить княжеский замок, да всё никак не может. Зимой хочется слушать сказки и старинные песни, и можно мечтать о несбыточном и представлять себя отважным героем на вороном коне, несущимся сквозь армию врагов, круша все на своем пути. Таким героем и воображала себя юная Тамара и любила смотреть, как тренируются братья в воинском зале. Она тоже приходила сюда, но когда никто не видит, ночью, и в одиночку повторяла движения и замахи, подсмотренные у учителя днем. Так он ее однажды здесь и застал. Высокий одноглазый воин по имени Мурад. Мурад лишился глаза и половины руки в одной из прошлых войн между князьями, но не утратил ни стати, ни сноровки. Она сжалась в комочек, ожидая, что вот сейчас он закричит, затопает ногами,

погонит прочь непутевую. Но он только хмыкнул и сбросил с плеч ахалохи.

- Ты неправильно держишь саблю, девочка. И в подтверждение слов слегка ударил клинком по клинку. Сабля вылетела из ладони и задорно поскакала по полу. Кисть обожгло болью, но она даже не пискнула, боясь спугнуть момент.

С тех пор тренировки стали регулярными. И с отцом учитель поговорил, и к братьям поставил, но не сразу, а когда она чуть-чуть освоилась. Те сначала только хмыкали, мол, чего с девки взять. Но когда она победила каждого да не по одному разу, притихли, и старались смотреть и слушать внимательнее. Ибо стыдно, когда женщина сильнее тебе. А она вовсе не была сильнее, проворнее да, а еще хитрее, тем и пользовалась. Но всё это ей ничуть не помогло, когда в замок пришла болезнь. Ее нельзя было проткнуть саблей или положить на обе лопатки, как и нельзя было вылечить. Очень-очень странная болезнь, поразившая исключительно князя его супругу и сыновей. От нее синели губы, а на лице появлялись странные красные пятна, и запах, ужасный запах тухлятины, поселившийся в их покоях. Ни один доктор не признал в ней ни чуму, ни оспу, ни коровью мороть, словом, ничего из того, что было известно. И опять она чувствовала, ей врут.

- Отвечай, или я велю тебя казнить, - эта гордая девчонка четырнадцати зим от роду так драла нос и подбородок, что казалось еще чуть-чуть и она проткнет ими потолок, но она

не плакала и держалась так, как и достойно княжне великого рода. Зрелище было и грустное, и комичное и лекарь вздохнул, присел рядом с троном на корточки, ничуть не чинясь, и погладил девчонку по руке.

- Княжна, я понимаю ваше состояние, но и вы поймите меня. Я и так делаю что могу, но эта задача мне не по силам. Я не знаю, что это за болезнь. Если бы знал, было бы проще помочь или хотя бы не мешать организму бороться. А я вижу такое в первый раз и тыкаю наугад, даже не понимая, что я лечу, убираю симптомы и только. Боюсь, они не доживут до утра.

- Что же вы за лекарь, если не знаете, что за болезнь. Лекари знают всё. Эта абсолютно детская вера в его всемогущество позабавила старого друга семьи. И он решился:

- Если бы я не думал, что это невозможно, я бы предположил… Вано замешкался, не зная, продолжать ли.

- Продолжай, - Тамара склонилась к нему так, что мягкие косы коснулись давно небритой щеки.

- Я бы предположил яд… Редкий и весьма действенный. Но кому оно надо? Верно?

Она похоронила их три дня спустя и долго стояла на утесе, позволяя ветру играть ее волосами и звенеть траурным ожерельем. А потом приехал дядька. Опекуном юной племяннице. И Жрец.

- Ну что, как думаешь, выгорит дельце то, а?

Князь развалился в кресле и взглянул на жреца. Неопрят-

ное пузо его колыхалось, изо рта разило вином и мясом, и весь он был, словно не человек, а голем, тупая бездушная копия человека. Но жрец склонился в почтительном поклоне, и длинный балахон его пурпурным пятном растекся по каменным плитам.

- Да, вашшше сссиятельство. Именно так. Наум слаб, за ним нет рода, а таких легко скинуть, устранить, а Рось – это прежде всего территории, много территорий и много места, прооссстор, ссссвобода.

- Территории – это да, это аргумент. Князь Ардан смачно рыгнул и перевел взгляд на мальчишку прислужника, -что ж, иди позови сюда Тамарку, говорить с ней буду, а станет артачится, скажи, плетей всыплю. Виданное ли дело, родному дядьке перечить. Ну, чего вылупился?! Ступай! Мальчишку вымело за дверь, как молодого марала.

- И ты ступай, Жрец, устал я что-то.

«Жрать меньше надо» - думает про себя Жрец, но вслух ничего не произносит и, не снимая капюшона, семенит прочь. Люди слишком вонючи и скучны, а он не совсем чтобы человек. По крайней мере сейчас.

- И да, ты это, - князь зевает, словно за зевотой хочет скрыть неприятные слова, -поаккуратней там что ли. Мне опять жалуются, что девка пропала, кухонная. Жрете вы их что ли? Так я тебе секрет открою, девки оне для другого дела, того которое в спальне. Понял али нет? Князь хохочет, сотрясается прям своей собственной плоской шутке. И этот

хохот еще долго преследует Жреца.

- Потерпи Верховный. Я сейчас, - брат встречает его в покоях и торопится снять неудобный балахон, что липнет к телу и трещинам на нем, доставляя массу неудобств. У брата уже готов, что таз с теплой водой, что чистые тряпицы, и Верховный Жрец с наслаждением опускает черные ступни в теплую воду. Вода немедленно розовеет. Служение богине Ульшаг – это действительно Служение. Богиня сурова и требует от своих жрецов покорности и почитания, а еще умения терпеть боль, холод, лишения. Отмеченные вниманием богини верховные жрецы никогда не снимают перчаток и капюшона, ибо тот, кто однажды узрел мощь богини, никогда уже не будет прежним: ни внутри, ни снаружи. За всё надо платить – это знает каждый, кто приходит в культ Ульшаг. Молодшие братья думают, что отказ от мирской жизни, собственного имущества и послушание – это и есть та цена, которую они платят. Глупцы! Истинно верующие знают, что за реальное могущество Ульшаг попросит самое ценное, что есть у человека - его душу, его принадлежность к роду человеческому, и кто готов отринут этот дар, измениться, тот становится выше всего и лишь тому открываются все сокровенные тайны.

Официально культ запрещён. Огнем и мечом выжжен предками короля Наума. Жалкие крохи остались после той резни, чудом уцелевшие два десятка жрецов во всех странах объединенных королевств. Почти двести лет ушло на то, что-

бы найти утраченное знание, набрать и хоть немного натаскать адептов, которые могли бы заниматься самой простой работой: вербовкой и убийствами.

- Он согласен, - не открывая глаз, едва слышно шепчет Верховный Жрец, когда боль немного отступает, - он вызовет Наума сюда, и каждый получит свое. Он – Королевство, а мы - паству. Культ возродится, как никогда раньше, только бы успеть, только бы хватило сил…

- Хватит. Непременно хватит. Брат подносит к сухим губам верховного кубок с рубиново-красным вином, в котором примерно половина – человеческая кровь. Таково условие богини. Жизнь за жизнь, кровь за кровь, Верховный вынужден питаться человечьей кровью, чтобы жить. Здесь ее слишком мало. Здесь они слишком заметны, иное дело целая страна, целая страна с человечьим стадом, которым можно пользоваться по желанию. Кормить, растить как скот, и лишать жизни, но исключительно по необходимости. Верховный закрывает глаза и позволяет мечтам захватить его разум. Брат медленно и осторожно втирает в поврежденную кожу пахучую вязкую мазь на основе козьего жира, но Верховный знает, что не это ему поможет, а только кровь, которая уже начала действовать. Через час на теле останутся только тонкие шрамы. Вот они уже не исчезнут, и потому лик его всегда скрыт от посторонних глаз.

Тамара, приклыв ном платком, перешагивает очередную лужу. Так луж теперь много, ни кунаки дяди, ни их свора со-

бак, не утруждают себя приличиями. Когда все изменилось? Буквально за два года самый красивый замок горной страны превратился в оплот бродяг и всяких сомнительных личностей. Исчезли ковры со стен и гобелены, которые стоили целое состояние. Ибо старые мастера ткачества свое дело знали хорошо. Еще бы они его не знали. Князья Мценские всегда славились крутым нравом и скоростью принятия решений. Не стало картин в коридорах и на парадной галерее, где она любила рассматривать гордые лица князей и их жен. Дядька сказал «Не к чему держать здесь галерею мертвецов» Теперь по стенам висело оружие, много оружия: сабли, и мечи и кортики, не самого лучшего качества, но главное что, много. Дядька приехал не один, привез целый отряд всякого сброда, такие же ироды, как и он сам. Если есть в стаде паршивый баран, то в славном роде Мценских, Ардан как раз тот самый. Еще в молодости, понимая, что наследство, к младшему в семье, ему не светит, он ушел из дома и примкнул к отряду Вольных. Грабил, убивал, насиловал, - слава о его «подвигах» катилась от села к селу. Дед Тамары переживал, но официально от сына так и не отрекся. А зря. И вот спустя столько лет явился, кого не ждали. Мурад и пускать не хотел, но ведь по праву крови же. Скорее всего это он отравил брата и его семью, но ведь как докажешь. Не своими же руками, а подкупить какую-нибудь служанку, или мальчишку-поваренка, долго ли? Не вешать же всех. Зачем оставили ее только, вот этого девушка не понимала. Сначала думала,

грешным делом, свататься будет или так в кровать полезет. Каждую ночь запиралась у себя в башне и дрожала от страха. Но обошлось. Пока, обошлось. Запираться, правда, не перестала. Ходят, в лицо улыбаются кунаки эти дядькины, но так преехидненько. И смотрят главное, как на шашлык смотрят, облизываются.

- Звали, дядя? В голосе ни капли почтительности, но приличия, чорт бы их побрал.

- А, Тамарка, заходи, садись. Он указал на кресло подле себя, - разговор есть.

Тамара осторожно усаживается на самый краешек, сколько раз было, что после эдаких то разговоров и бежать приходилось сломя голову, а плечи неделю или две болели и саднили после ударов нагайкой.

- Да не трясись, - мужчина расслаблен и даже радушен, - дело у меня до тебя есть. Свадебного толку.

Тамара побледнела. Неужели же, посватается? Но дядька сделал вид, что ничего не заметил.

- Ага, замуж тебя решил выдать. А то, виданное ли дело, семнадцать лет девке, а она еще ни сном ни духом как мужику постель стлать. Жениха нашел. Хорошего жениха, хорошего. Не местного, правда, но зато самого короля. Рось. Слыхала про такую страну? Письмецо ему кинул, что есть у нас девка тоже княжеского роду, хорошая девка, справная, а что с гонором, то про это не сказал, пущай потом сам учит. Уму-разуму. Ну и стал быть суда он приедет вскорости. Тебя

посмотреть… - дядька оценивающе оглядел худенькую Тамаркину фигуру, - мда, если найдет на что… Посмотреть, в смысле. Ну и себя показать. Ясно? Всё. Иди готовься, да спроси там у мамок-нянек как оно в кровати то, чё делать надо, а то ж позор выйдет, ежели не разберессся.

Тамара вскочила и ни слова не говоря вылетела вон. Лицо пылало от гнева и обиды.

- Ее, княжну рода Мценских, какому-то не мытому корольку. Да еще как корову, сами предложили. Позор. Бесчестие. Да если б родители были живы, разве допустили бы они такое. Да за ее руку самые видные женихи бились бы до последней капли крови и дары бы несли, шкуры горных козлов, добыть которые могут только самые ловкие и смелые джигиты, и каменья прозрачного хрусталя, что водится только в самых глубоких горных ручьях, и сабли дамасскою стали и много чего еще. А так… Что они написали? Как можно было предложить ее как девку падшую. Не-мы-сли-мо!

Дорога сама легла под ноги и вывела на крепостную стену. Замок стоял на крутом утесе и где-то далеко внизу как сердце огромного морского зверя билось море. Море было живым, с яростью бросалось оно на утесы и так же яростно откатывалось назад. Горизонт, укутанный туманом, казался таким же далеким и смутным, как и ее счастливое детство. Было ли? Нет? Тамара подошла к самому краю. А что? Это выход. Просто и быстро, она даже не успеет ничего почувствовать. Девушка чуть-чуть подобрала подол расшитого платья

и носок сапожка ступил на уступ между камнями.

- Не дури! – Кто-то подхватил ее за талию и аккуратно спустил вниз, - подохнуть всегда успеешь, - Мурад обнял девушку и набросил на плечи теплую овчинную бурку, —только глупцы думают, что в этом есть честь и правда. Для справного воина в бою, может оно и так, но не для девки, и уж тем более не для княжны. Надо бороться: за жизнь, за честь и свой замок. Поняла?

Тамара кивнула. Она поняла. Всё так. Она еще поборется, она еще всем покажет, не будь княжной Мценской.

Учитель одобрительно кивнул. И потом улыбнулся совсем уж хитро.

А замуж – это не страшно, в замужестве тоже, говорят, жить можно.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.